

О Борисе Левине

АННА КАРАВАЕВА

Однадцать лет назад в одном из московских толстых журналов появилась небольшая повесть «Ревматизм». Автор — новое имя: Борис Левин. Начало повести выглядело ясно и привлекательно — так с первого взгляда чувствуешь себя легко с человеком, который держится просто, умно и естественно.

«Командир Карпович сидел в приемном покое лагерного госпиталя. Дежурная сестра в белом халате и сандалиях на босую ногу спрашивала его. Сестру кусали комары. Она вздрагивала, встряхивалась и яростно била себя по искусанным местам. Карповича тоже кусали комары, но ему было все равно. Он сидел, согнувшись, запыленный, и терпел».

Этими скучными, но бережными и мягкими штрихами автор вводил читателя в жизнь произведения.

Мы разбирали первые главы повести с молодым кружковцем, который зашел ко мне «побеседовать о своей незадачливой прозе».

— А ведь дежурная-то сестра у Бориса Левина здоровая, жизнерадостная девушка, — вдруг улыбнулся кружковец. — И как он это тонко и тактично подчеркнул. Слабость Карповича я с особенной ясностью чувствую именно по этой подробности: сестра «яростно била себя по искусанным местам», а Карпович не в силах был даже отмахнуться от комаров, и «ему было все равно».

Помнится мне, юноша, с которым мы

беседовали тогда о повести Бориса Левина, был еще совсем мало искушен в литературе, а все-таки сразу почувствовал в авторской манере нового писателя то характерное, что притягивало к себе.

С первых же страниц развитие повести обещало грусть, боль, несчастье, но вместе с тем чувствовалось, как сдержанно и вдумчиво рука художника носила краски, как разборчиво отсеивала детали, искала свежести и точности: «Белоснежное полотно синело и пахло огурцом...»¹, «...Весиушки на мочках», «Оранжевый воздух...»², «...В небе се- мафором повисла радуга...»³.

Казалось, что и от всей этой повести тоже пахнет огурцом, травой, солнцем, — так неизойдлива была ее свежесть и душевность. Она походила на человека, который не подозревает о своем обаянии и не старается быть приятным, — оттого-то с ним так легко и свободно. Авторская манера Бориса Левина — делиться мыслями с читателем — тоже подкупала своей прямотой и ясностью. Как выгодно отличалась она, если можно так сказать, от тяжелой петляющей походки некоторых произведений, мысль которых приходится извлекать, словно алгебраический корень, или подбирать для разгадывания ее своеобразные ключи и отмычки. Мысли и чувства повести Бориса Левин

¹ Сборник. «Советский писатель», 1935, стр. 6.

² Там же, стр. 25.

³ Там же, стр. 38.

рябым лицом заключался в том, чтобы работать для своей страны и ее народа. Ведь потому с такой горечью и беспокойством Карпович переживает свою болезнь. «Обидно умирать на кровати от ревматизма», когда, по выражению комиссара полка, «пятилетка на дворе». Командиру Карповичу нестерпимо думать, что он может остаться инвалидом. «Инвалидов в обоз. А я не хочу в обоз» — упрямо твердит Карпович, боевой командир Красной армии, который славно бил белых, ловил дезертиров, ходил в атаки — и умер от ревматизма. В предсмертном бреду он видел перед собой не огостылевший ему лазарет и ревматизм, а видел героянику революционной борьбы. Ночью, в бредовом сне, пришел к нему комиссар Федя Мишин, которого повесили белые.

— Вставай! — сказал он ему. — Пора ити в наступление.

— А куда же ты исчез давеча? Ведь ты с Людой тогда приходил и вдруг исчез?

— Это тебе снилось. У тебя был бред. А сейчас мы все тут. И комбриг Моргунов, и Терентьев, и Бирштейн, и Горбов, и Великс. Все твои убитые товарищи давным-давно собрались, и ждем твоих приказаний, а ты дрыхишь. Ведь сегодня ты должен повести нас в бой. Вставай! ¹. Пробиваясь в бреду сквозь вражеское кольцо белых, на гребне великой любви и ненависти, умер от суставного ревматизма командир Карпович... Тогда очень мало кто понял и почувствовал его жизнь.

Раппоповская критика обвиняла Бориса Левина в «интеллигентщине», в мещанстве, в «упадочничестве», обозначала его «место» в литературе, как «внутрираппопского попутчика» и т. д. Этих критиков «не устраивал» левинский герой, как, впрочем, и все последующие. Нет, вы только подумайте, что это за «герой»? Он не произносит ни одной красивой героической речи, а говорит смешно, сбивчиво, сентиментально влюбляется в сестру милосердия, мечтает о женитьбе («Жена будет. Дети.

Еще хорошо бы, чтобы поблизости озеро или река ¹), — ей-ей, кому интересно, что этот некрасивый рябой человек так и не успел жениться и обзавестись семьей?.. Словом, образ командира Карповича никак не походил на тех ловко сконструированных, «обтекаемых» героев, жизнь и характер которых так легко можно было измерять, регламентировать, раскладывать по полочкам и разрядам очередной литературной «моды». На командира Карповича смотрели как на случайно забредшего на поля литературы безродного человека. А между тем Карпович совсем не безродный, и родственники у него в русской литературе имеются и, право же, очень неплохие. Мне вспоминается капитан Тушин, скромный, робкий артиллерист, в котором не было ничего «поразительного», один из героев «Войны и мира», тот самый капитан Тушин, который с благородным упорством воина сумел удержать свою батарею под огнем французов. Капитан Тушин не занимает в романе Льва Толстого сколько-нибудь видного места. Где уж ему, скромному работяге и солдату Отечественной войны, блестать в гостиных или быть героем романа, например, Наташи Ростовой, — ничего такого и вообразить невозможно. Капитану Тушину в романе только и оставалось — отстаивать свою батарею от вражеского огня. Но мы знаем, что Лев Толстой любил его, этого малозаметного героя. Он считал, что русская армия сильна именно вот такими Тушинами, хорошими людьми, честными воинами.

И еще есть родня у Карповича: некрасивый и робкий офицер, герой чеховского рассказа «Подседуй». В темноте, неизвестная, невидимая, поцеловала его женщина. Чеховский штабс-капитан Рябович знал, что подседуй предназначался не ему, что произошла ошибка, но, несмотря ни на что, он был незабываемо счастлив, как бывают счастливы люди только раз в жизни, потому что «судьба в лице незнакомой женщины нечаянно обласкала его». Мы даже уве-

¹ Сборник, «Советский писатель», 1935, стр. 61.

¹ Сборник, «Советский писатель», 1935, стр. 27.

рены, что тот, кому предназначался поделу, совсем не обладал глубиной и чистотой чувства, которое таилось в груди робкого офицера. Карпович, остро и глубоко страдающий от сознания своей отсталости, в отношении ласки судьбы ошибся гораздо больше, чем капитан Рябович: любимая женщина Карповича изменила не только ему, но и советской власти. Но Карпович, одинокий холостяк, обойденный личным счастьем, не из тех, кто озлобляется и завидует. Он готов радоваться вместе с теми, кто счастливей его, как он радуется каждому новому успеху советской жизни. Коммунар-артиллерист рассказывает ему о своей коммуне:

«— Первые годы трудно было. Хлева холодные. Корова, как медведь, шерстью застала. Откуда же у нас молоко? Пока не обстроились, порядочно натерпелись. Многие уходили из коммуны, а сейчас обратно идут. Возвращаются».

«— Возвращаются, говоришь? — спросил Карпович и радовался. Он радовался тому, что где-то есть коммуна «Первое мая», где большой сад, тракторы. Где коровы больше не застают шерстью, как медведи, и дают много молока¹. Получив письмо от старого фронтового товарища, Карпович от всей души приветствует чужое счастье. «Утром Карпович еще раз прочел письмо, и ему стало весело. «Хорошо! Как хорошо жить на свете!»² Карпович умер, и читателю жаль, что одним хорошим человеком стало на свете меньше.

Самыми лучшими чертами его жизни и всего его существа были: честность, любовь к родине, смелость, нежность и обаятельная искренность, т.е. те черты, которые так свойственны человеку социалистического общества. Если бы Карпович выздоровел и дожил до наших дней, он, конечно, геройски отличился бы, например, на финляндском фронте, был бы награжден орденами Союза и, конечно, окончил бы Военную академию и был бы тем «разно-

¹ Сборник, «Советский писатель», 1935, стр. 26.

² Там же, стр. 37.

сторонне образованным» командиром, каким ему так хотелось быть.

О первой повести Бориса Левина хочется говорить подробно потому, что в ней, как в зерне, рождающем урожай, ясно и полно выражены главные черты его творческого облика: любовь к советскому человеку, к советской действительности, тонкое чувство детали, юмор, мягкая насмешка и грусть, а рядом с этим умение остро и точно пропустить линию, определяющую водораздел; лаконизм, а вместе с тем хорошая, подлинно лирическая наполненность фразы, живой и выразительный диалог. Этот лаконизм, юмор, точность глаза, умение нашупать наиболее динамические линии сюжета Борис Левин приобрел в своей журналистской работе, сотрудничая в юмористических журналах (*«Красный перец»*, *«Крокодил»*). Что касается лирико-интимных нот в голосе этого писателя, то, немного забегая вперед, скажем, что некоторые критики не сумели распознать природу этого лиризма. Но об этом речь впереди.

На каком-то собрании меня познакомили с Борисом Левиным. У него была смущенная улыбка, сухощавое лицо, небольшие живые глаза. Они жмурились и помаргивали, словно он, зорко и памятливо все замечая, в то же время стеснялся показать это. У него была легкая походка человека, привыкшего ходить много и быстро. Идя, он слегка выносил вперед то одно, то другое плечо — и в этом движении чувствовалась еще совсем юношеская застенчивость. Он говорил негромко, держался скромно и просто. Смеялся он, слегка захлебываясь, с приятной хрипотцой, и зыбкие морщинки весело дутились вокруг глаз, а лицо делалось лукавым и добрым.

«Типичный интеллигент». — сказал кто-то о нем, вкладывая в эти слова шаблонную мысль о пресловутой интеллигентской «слабости». Подобные «оценки» были просто поверхностны и жалки. Борис Левин, этот скромный, застенчивый человек, на деле был сильнее тех, кто считал его слабым. В 1918 году он вступил в ряды Красной армии и пошел

биться за молодую Советскую республику как-раз в то время, когда стало нужным защищать ее. Он был красноармейцем, политработником, комиссаром полка, членом Трибунала Петроградского военного округа. Он бился за Советскую республику на Дону, в степях Средней Азии, на астраханском фронте под руководством Сергея Мироновича Кирова. Многое мог порассказать бывший дивизионный комиссар Борис Левин, но как-раз меньше всего любил он рассказывать о себе. Все-таки те отрывочные факты его военной жизни, которыми мы располагаем, довольно ярко рисуют его коммунистический и вообще человеческий облик. Несколько раз он глядел в глаза смерти и спасался благодаря собственной выдержке и заботе о нем смелых, хороших людей.

В одном селе Борис Левин был схвачен восставшими кулаками. Его предал изменник, который прополз в ряды партии, вкался в доверие комиссара Левина, а потом перебежал на сторону врага. К Левину, запертому в сарае, явился предатель и спросил, издаваясь: «Ну, как тебе это нравится, Левин? Мог ли ты предполагать что-нибудь подобное?» Связанный по рукам и ногам, комиссар ответил спокойным голосом, полным ненависти и презрения: «Да, я не предполагал, что ты такая сволочь».

От неминуемой смерти Бориса Левина спасла хозяйка избы, где он квартировал. Неискушенная в вопросах политики деревенская женщина почувствовала в комиссаре силу коммунистической правды, поняла нужность его жизни для народной борьбы — и решилась на смелый и благородный поступок, который ей самой мог стоить жизни.

Однажды во время боя комиссара Левина контузили. Он упал с лошади и был засыпан землей от взрыва снаряда. Бориса Левина уже сочли погившим. Но красноармейцы, любившие своего комиссара, откопали его из-под земли и спасли от смерти.

Он никогда не был оратором, но зато он умел душевно разговаривать с бойцами за чтением и обсуждением газет, у костра, в теплушке, во время утомительных конных переходов, когда людям по

целым дням невозможно ни на минуту заснуть. Бойцы спасли комиссара Левина от смерти, потому что им всегда недоставало его, потому что он был нужен им и дорог...

Но тот, кого хоть раз коснулось ледяное крыло смерти, никогда этого не забудет. Не оттого ли даже в веселые минуты в речах, жестах и улыбке Бориса Левина временами чувствовался налет сдержанной грусти и раздумья?

Однажды, приехав по командировке в «Правду» на крупное строительство, Борис Левин наблюдал за раскопками на месте будущих корпусов. Землекопы показали ему вырытый ими заплесневелый красноармейский шлем.

— Мне показалось, — рассказывал потом Левин, — что это мой шлем нашли, что это мое тело нашли в земле.

Эта грустноватость, эти рассеянно-жмурье глаза, легкая походка, простота и скромность некоторым казались проявлениями пресловутой интеллигентской мягкотелости, неразборчивого добродушия и т. д. А между тем, именно Борис Левин одним из первых публично выступил против группы эксплоататоров искусства, скрытых врагов народа, искусственных интриганов, которых многие боялись. Вспомним здесь замечание о том, что некоторые критики подобным же образом ошибались в оценках его таланта и вообще его творчества. Раппсовские менторы брюзгливым тоном советовали ему «произвести серьезную переоценку ценностей», овладеть методом марксистско-ленинской диалектики¹. Другие предлагали расширить круг тем, чтобы не «мистифицировать» собственный талант². Третий были согласны с тем, что «идею и тон» левинской повести можно изобразить следующим образом: «Вдали, в тумане, — город и строительство, ближе — ствол одинокого «лирического» дерева, лишенного листвьев³. Четвертые, правильно отмечая сходство художнической манеры Бориса Левина с манерой Антона Павловича Чехова, утверждали, что Б. Левин воспринял и «не-

¹ «Новый мир», 1931, № 9.

² «Литературный современник», 1933, № 11.

³ «Октябрь», 1932, № 7.

громкий» голос Чехова: «Борис Левин обо всем говорит негромко, «тихим голосом», что благодаря этому «верное, четкое, но деловитое (?) и «тихое» изображение событий в произведениях Левина не вызовет «ни слез, ни гнева, ни острой жалости»¹.

Можно ли говорить о «негромком» голосе Антона Павловича Чехова, а затем: «тихое изображение», «тихий голос», а дальше... «тихий писатель»? Да полно, то ли слово сказано о Борисе Левине?! Конечно, не то слово. У нас, к сожалению, слов, которые «не те», случайных слов о творчестве писателей, говорится еще довольно много. С точки зрения задач нашего социалистического искусства, одним из самых вредных обыкновений, еще до сих пор бытующих в нашей критике, является: крайне скучный набор оценочных критерии и нежелание динамически пополнять и разнообразить их в связи с требованиями жизни и тем «чувством нового», которому всегда и неустанно мы должны учиться у партии. «Тихий голос», «тихое изображение»... а не поискать ли других обозначений?.. Есть «тихость» голоса, которого просто не слышно, — из понятия «тихости» как будто исключается понятие о силе, — и есть сдержанность, в которой присутствуют и сила, и мужество.

Творческий голос Бориса Левина звучит для меня именно так: сдержанной силой и мужеством. У него была своя инструментовка — и это было его священное право. Скрипка, арфа, флейта и виолончель могут выразить глубину и размах человеческих эмоций, не прибегая к помощи барабанов и литавр.

Само собой разумеется, никому не придется в голову изображать творческий путь Бориса Левина гладким и безболезненным. У него были свои промахи, недочеты, недоделки, бывали и просчеты.

Иногда, по старой журналистской привычке фиксировать на ходу, Борис Левин писал торопливо, почти хроникерски. Это случалось не часто, но каждый раз бывало досадно, когда буднич-

но-торопливые строки прерывали сдержанно-взволнованное, свежего и тонкого рисунка левинское письмо. Иногда из любви к лаконизму и динамичности Борис Левин переходил на скороговорку, на констатацию, на обозначение. Порой, напротив, стремясь ввести читателя глубже в мир своих героев, писатель, в ущерб основной линии произведения, ломал его композицию, перегружал ее вставными, хотя и остроумными эпизодами и подробностями, разбивая этим ее целостность, как это особенно заметно в романе «Юноша». Бывало и так, что... — ну, понятно, перечень писательских «грехов» можно было бы продолжать и дальше: где, когда, отчего и почему недодумал одно, а другое недоучел, а третье не заметил и т. д. Но не в этом моя цель.

Я не исследование пишу, — я вижу перед собой жизнь товарища по литературе, вижу его творчество и все коммунистическое и человечное, что характерно и неповторимо выражено в мыслях, красках и образах его произведений. Борис Левин глубоко чувствует движение и яркую молодость нашей эпохи, преобразующей мир. И в его разрешении этой проблемы молодости и жизненного движения, в его призывае понимать ее виден художник-коммунист, который все явления оценивает не только в их внешних формах, но и стремится осмысливать их внутреннюю сущность и направление в настоящем и будущем. Кроме возрастной молодости, которая охватывает только часть жизни человека, есть молодость класса, молодость социальная, продолжительность и сила которой в значительной степени в руках человека. Восемнадцатидетский герой романа «Юноша» Миша «Колче» — стар, потому что его характер, его мысли и устремления отравлены дряхлостью старого мира. В «симпатичном обличии» Миши Колче писатель-коммунист вскрыл человека, олоздавшего родиться. Миша — социальный перестарок. Себялюбивый, равнодушный к людям, самовлюбленный честолюбец и властолюбец, мечтающий о том, чтобы «затмить» своих сверстников, чтобы прославиться и стать «самым главным», — разве такой

бывает подлинная молодость социалистического человека? И писатель показывает страстью ищущую, наивно-смелую и чистую молодость Нины. Эта девушка сначала напоминает молоденькую тонкостолю березку, которую качает ветер и дождь сечет: немало забот и страданий довелось принять ей на свои «детские плечи». Но Нина растет здоровой, потому что все ее мысли и желания, вся ее работа устремлены к людям, к общей жизни. На фронте Нина вступает в партию и, чем дальше, тем вернее обращается в крепкую, умную, закаленную женщину. Закономерно, что Нина, цветущая молодая женщина, полюбила не Мишу Колче, а его дядю, сорокалетнего Александра Праскухина, — ведь юноша-то, конечно, он, а не Миша. Праскухин и физически выглядит значительно моложе своих лет — не только потому, что прошел прекрасную школу революционной борьбы и закалки, но и потому, что жизнь его деятельна и вдохновлена работой, радостью побед, поисков и находок, важных и нужных для общей жизни.

Читатель, следя за художником, проникался презрением к социальным перестаркам типа Миши Колче, смотря на сорокалетнего Александра Праскухина, думал: «Да, долго может быть молодой, подвижной и радостной жизнь того, кто, подобно своему классу, как полный колос, повернут к солнцу будущего».

Не случайно, говоря о молодости, Борис Левин заговорил с читателями и о таланте, который ведь явление не только индивидуальное, но и социальное. Талант Миши Колче, питаемый только впечатлениями и размышлениями «в себе», всегда грозит захиреть, обескровиться. Образ Праскухина (даже несмотря на то, что он кое в чем недовписан) наводит нас на мысль, что, кроме таланта художественного, есть еще талант строить жизнь. Праскухин, Наташа Лебедева, инженер Эун, начальник политотдела Сморода строят жизнь, поднимают для нее все новые человеческие пласти из самой гущи масс, не отделяя себя от любимого дела, от людей, вместе с которыми они трудятся. У всех у них, как говорит Наташа, «нет ни

«мы», ни «вы», а есть одна общая цель, одна радость». Такие люди, как Наташа и Сморода, могут разойтись, страдать и томиться, что не удалась их жизнь, их любовь. Но строительство жизни, в котором все они участвуют, так громадно и прекрасно, что общая радость одоления и победы охватывает человека даже среди грусти и временного разочарования в своих надеждах на счастье. Уметь стать выше своего личного, маленького, выше своих личных обид и укоров — вот еще чем пленяет нас коммунист Сморода, шумный, порывистый, грубоватый, но в глубине души нежный, жизнелюбивый человек. Он любит смотреть вперед, он ненавидит «несчастненьких», «рваниненьких», «приколотых булавками»¹. Он хочет, чтобы все вокруг человека играло и блестело, чтобы «внутренности его играли», — вот для чего работает Сморода.

Бориса Левина нередко упрекали, будто-де он защищает романтику и романтиков из-за неразборчивой своей любви к романтике вообще. Да, он ценил романтику любви, романтику боевой дружбы, но, кажется, никто не заметил, как он ненавидит ложную, наигранную романтику «высоких вольт», «бешеных темпов» и «риска жизнью», которую утверждает в одной из его повестей писатель Околоков («Одна радость»). Авторское презрение к этой фальшивой романтике выражалось и в выборе самой фамилии героя: Околоков, тот, кто только толкается около, мешает всем, надеется, жалкий, отвратный, позор литературной «моды», разносчик дешевого пафоса. Такие Околоковы, беспардонные деляти, закройщики «актуальных романов», еще, кроме того, и трусы. «—Хочу вот с вами согласовать, какого героя посоветуете у вас описать?» — с наглой откровенностью спрашивает Смороду этот поставщик «конкретных героев» для еженедельников².

Пять-шесть лет назад, в общей беседе Борис Левин сказал, насмешливо прищуривая глаза:

— Да, да, есть такая порода людей... Смелость, искренность и вообще их соб-

¹ «Одна радость», стр. 135.

² Там же, стр. 82.

ственное отношение к предмету — все это где-то далеко, все это надо искать... а вот ложноклассический пафос... о, это всегда вот здесь, в наружном кармане! — И как презрительно прозвучал его обычно такой мягкий и задушевный смех!

Как в жизни, так и в творчестве своем, Борис Левин мужественно выступает против крупных и мелких носителей дешевого пафоса, против ареопага хитрецов и честолюбцев, бюрократов-схематизаторов, оказавшихся в большинстве своем врагами народа. Таков один из героев романа «Юноша» — Фитингофф. Многие узнали, «кого» сделан Фитингофф, кого напоминал этот памфлетно заостренный образ. Но, за исключением только очень немногих, большинство критиков избегало подробно говорить о Фитингофе, может быть, потому, что его «прототип» в те дни еще функционировал в литературе. Обычно у нас так чутки ко всякому «стилевому разнообразию», а тут на памфлетную заостренность образа Фитингофа, благодаря которой он так резко отличался от остальных персонажей романа, никак не обращали внимания. Тем более ценишь мужественный голос писателя-коммуниста Бориса Левина.

Он любит родину, нашу социалистическую родину, он всем сердцем чувствовал, что она далась нам в боях, борьбе и труде. Временами он, непосредственно от себя, от Бориса Левина, распахнув двери в повествование, врывался своим взолнованным голосом на страницы книги: «Товарищи, я тоже с Красной армией входил в города. Нас тоже встречали рабочие, их жены и дети. Мне было тогда двадцать лет...» и т. д.¹ А то его голос звучал, как песня среди колхозного пейзажа. Вот как он видел колхозный лен: «А как он рос! Ах, как он рос! Жирный, густой. Как львиная грива. Двести гектаров колхозного льна. Когда мимо ехали кулаки, они морды ворочали. Сплевывали, завидовали:

— Во, как у них уродило.

Колхозный лен хватал их за горло.

Свежий, молодой, он рысью забегал вперед. Лен цеплялся за колеса. Кулаки сильней по лошадям. Но все равно некуда было деться от большевистского льна»¹.

В одной из своих последних повестей «На Брангеля» (изд. «Библиотека красноармейца») Борис Левин рисует образ молодого черноглазого лектора, которого красноармейцы прозвали «Робинзон-Крузо». Лектор горячо верил в прекрасное будущее родины и со всей силой своей пламенной мечты и фантазии рассказывал бойцам, как чудесна будет жизнь человечества при коммунизме. Слушать Робинзона любили, однако, случалось, и посмеивались над ним. Во время боя Робинзон показал себя подлинным героем и был убит. Бойцы, расставаясь с ним навсегда, оплакали его, как героя, и поняли, какая прекрасная и мужественная душа жила в этом смешном, чудаковатом человеке.

Как в жизни Борис Левин стремился делать все «без фраз», так и в творчестве он любил мужественную содержанность, благодаря которой глубина и сила внутреннего содержания, направленность и краски внешнего выражения звучат порой даже убедительнее и яснее. Подтекст, это якобы вольное, а на деле незаметно направляемое авторской рукой чтение между строками, при таком сдержанном письме часто бывает легче и прозрачнее, чем междусторочное чтение среди пышных словесных орнаментов и фиоритур.

Образы и сравнения Бориса Левина, как правило, лаконичны, почти всегда точны, без кричащих красок, а кроме того, неизменно доводят до читателя не только смысл, но и время, и настроение, и даже температуру этого настроения: «... голубенькие ситцевые цветочки льна...», «У ворот лежала дужка и блестела, точно синяк...», «Морщины, точно мундштуки-узедочки, скимали вялый подбородок...», «Седой воздух...», «...ладонями обласкал треугольник бородки и усы цвета золы...», «Вспотевшее, алюминиевое небо...», «Белыми восхладательными знаками, запятыми и кляксами падал

¹ «Одна радость», стр. 64.

лохматый снег...», «Нога казалась тяжелым протезом, наполненным сельтерской...», «...голова у него была такая большая, что на нее хотелось надеть узедечку...», «Никто не отвечал. Была тишина. Паркет блестел, как медь...», «Коричневая баранья шапка, точно гнездо аиста...» и т. д.

Он любит Чехова, Уот Уитмэна, Хемингуэя, Маяковского и многие произведения нашей советской литературы. Но все то, что влияло на него и впечатляло его, он выносил в мир выраженным по-своему, неповторимо, по-левински, как он любил и умел.

Жизнь идет. Новые молодые поколения советской литературы мужают у нас на глазах, новые читатели — тоже. И молодые наши литераторы, и молодые читатели, знакомясь с произведениями Бориса Левина, может быть, не

раз вспомнят слова любимейшего его современного поэта — Владимира Маяковского — о неумирающей силе горячего, сердечного слова, в котором всегда бывают свои «железки строки», — многие левинские строки можно тоже «с уважением ощупывать, как старое, но грозное оружие»: ведь у него тоже своя неподкупная сила любви и ненависти.

Возможно, вспомнят читатели и слова Уот Уитмэна, чей томик стихов комиссар Борис Левин носил в своей вещевой сумке в годы гражданской войны:

«Годы современности!.. Ваш горизонт встает, и я вижу, как он расступается...»

Борис Левин — писатель современности, и всегда ему видно, как встает и расступается все шире горизонт нашей родины, как растет всемирное торжество ее дела.